

Наступил час Вэй. Яркое солнце, пробиваясь сквозь резные узоры оконных рам, мягко золотило фигуру Янь Сюня. Свет обволакивал каждый изгиб его тела, а густые ресницы бросали на щеки две ровные перламутровые тени.

Янь Сюнь вздрогнул. Янь Сюнь зачерпнул ложкой немного каши из морского огурца и гребешков. Проглотив горячее угощение, он подпер щеку рукой и задумчиво произнес:

— Императорский брат всегда был заносчив и успел насолить многим, но едва ли найдутся те, кто всерьез осмелится покуситься на его жизнь. Стоит оступиться — и тебя уличат в покушении на наследника престола. Это тяжкое преступление, влекущее за собой истребление девяти поколений рода. Мало кто решится на столь отчаянную игру.

Он отправил в рот нежную креветку с чаем Лунцзин. Вкус был превосходным — свежесть морепродуктов ничуть не уступала наваристой каше, а тонкий аромат чайных почек придавал блюду особую изысканность. Янь Сюнь прожевал, и кусочек мягко скользнул в горло. Заметив, что Сяо Юэбай медлит, он сам поднес палочки к его губам.

Сяо Юэбай сидел спиной к свету, отчего черты его лица казались нечеткими, и лишь глаза сияли чистотой и нежностью, словно в них плескались весенние воды.

Проглотив угощение, Сяо Юэбай услышал продолжение:

— Чтобы решиться на убийство наследника, нужно быть либо безумцем, не ведающим страха, либо обладать огромной силой. А тот, у кого эта сила есть...

Янь Сюнь взглянул на собеседника и вдруг широко улыбнулся:

— Сейчас больше всего власти у моего третьего брата, Янь Ци. Он младше меня всего на полмесяца. В детстве мы вместе учились, и если я всегда был тугодумом, то его проницательность мне и не снилась. К тому же из всех братьев отец любит его больше всех, а семья его матери — великие полководцы, под началом которых стоит пятисоттысячное войско.

Третий принц Янь Ци славился красотой и талантами, однако судьба его была предрешена: в первый год эры Тяньсюань — когда Янь Сюнь взошел на престол — он скончается от внезапного недуга.

В прошлой жизни, когда Сяо Юэбай впервые встретил Янь Сюня, тот уже прочно занимал место наследного принца. В те годы Юэбай служил в провинциях, не помышляя о карьере и не вникая в хитросплетения столичных интриг. О тайных пружинах дворцовой борьбы он не знал ровным счетом ничего.

Но раз Янь Сюнь сумел захватить власть, значит, он никогда не был глуп. Он просто умело прятал когти.

«Неужели в детстве Янь Ци издевался над ним?»

В душе Сяо Юэбая шевельнулась острая жалость. Глядя в утонченное лицо принца, он, не в силах сдержаться, спросил:

— Ваше Высочество, не могли бы вы рассказать о своем детстве?

В то же мгновение Янь Сюнь почувствовал, как тени прошлого нахлынули на него удушливой волной. Он, еще мгновение назад расслабленный, внезапно напрягся, словно тетива, а по коже пробежал ледяной холод. Он мгновенно перестал улыбаться, и его лицо приняло маску высокомерного безразличия — той самой, которую он обычно носил перед подданными. Он сжал левую руку в кулак, а правой едва не переломил ложку.

Принц был ниже Юэбая ростом, и теперь ему приходилось слегка задирать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Но в его глазах больше не было теплоты — он смотрел на учителя сверху вниз, с той надменной властью, с какой взирают на сорную траву, которую можно растоптать в любой миг.

Лишь заметив в глазах Сяо Юэбая непритворную тревогу, принц сумел взять себя в руки. Он заставил кошмары отступить и обмяк. Снова зачерпнув немного каши, он невнятно пробормотал:

— Зачем Учителю это знать?

Сяо Юэбай понял, что задел кровоточащую рану.

— Простите мою несдержанность, — с горечью произнес он. — Я был неосторожен в словах.

Янь Сюнь покачал головой:

— Я не знаю, почему Учитель спросил об этом, но я знаю, что вы спросили из заботы. А значит, это нельзя назвать дерзостью.

Принц сказал, что не сердится, однако о детстве не проронил ни слова. Он больше не смотрел на Юэбая и молча принялся за еду. Учителю нечего было добавить, и он тоже взялся за палочки.

Пока они разговаривали, блюда успели остыть. Особенно пострадали пирожные «Гуйфэй Хун» — они потеряли ту хрустящую корочку, которой так радовали поначалу.

Вскоре тарелки с обжаренной куриной грудкой «Лю», креветками с чаем Лунцзин, сяо сужоу и кашей опустели. Сяо Юэбай отложил палочки, и Янь Сюнь жестом велел слугам убрать со

стола.

Поднявшись, принц приказал евнуху:

— Завари чай Лушань Юнью.

Совсем недавно он некстати спросил, не желает ли Юэбай чаю, и тот упомянул именно этот сорт.

Юэбай все еще сидел за столом. Приоткрыв глаза, он заметил руки принца. Тот стоял у окна, заложив их за спину, и почему-то судорожно переплетал пальцы.

— Ваше Высочество... — негромко позвал Сяо Юэбай.

Янь Сюнь не ответил, лишь сильнее сжал ладони.

— Ваше Высочество... — повторил Учитель.

Только тогда принц обернулся. В его взгляде читалось смутение. После долгого неловкого молчания он выдавил:

— Я только что проявил к Учителю неуважение. Вы долго молчали... Неужели Учитель рассердился?

Хотя недавняя перемена в поведении принца и поразила Юэбая, гнева он не чувствовал — лишь нарастающее сострадание. А молчал он за обедом только потому, что не знал, как возобновить разговор.

Услышав этот робкий вопрос, Сяо Юэбай мягко улыбнулся:

— А если я и вправду рассердился, что тогда сделает Ваше Высочество?

Янь Сюнь замер, глядя на него во все глаза. Он прикусил губу и почти шепотом произнес:

— Я угощу Учителя лучшим чаем. Пожалуйста... не сердитесь.

— Что ж, — покладисто ответил Юэбай, — так и быть, не сержусь.

Увидев, как легко его простили, Янь Сюнь помедлил секунду, а затем вдруг бросился в объятия Сяо Юэбая. Он уткнулся носом в его шею и принялся доверчиво шептать, словно ища защиты:

— Учитель... Учитель... Учитель...

<http://bllate.org/book/17467/1695090>